

Роднее не найду

Удивителен мир поэзии — мир, позволяющий иначе взглянуть на обыденное, мир, будоражащий душу, пробуждающий лучшие чувства. Вновь войти в него позволит нам книга, которую Вы держите в руках. Её автор — поэт Сергей Сметанин, 29 лет своей жизни, труда отдавший суровому северному краю, Сибири, Сургуту. Здесь он работал на производстве, здесь стал членом Союза писателей России, здесь вырастил и воспитал дочь и сына.

Филолог по образованию, он многие годы был членом, а последние 12 лет — руководителем сургутского городского литературного объединения «Северный огонёк», дал рекомендации в члены Союза писателей многим поэтам и писателям. Сметанин — автор нескольких поэтических сборников: «Созвездье фар», «Царство речных хрусталей», «На Сайме», книги по практической поэтике «Лирика для всех», автор нескольких поэтических страниц в Интернете: «Сотворение мира» <http://www.ruspoetry.narod.ru>, сайта ЛИТО «Северный огонек» <http://www.surgutlito.narod.ru>, странички для детей «Зайчонок-ниндзя» (сказка) <http://www.sajninja.narod.ru>.

Несмотря на жизненные испытания (а на них судьба не поскупилась), Сергей Егорович сохранил чистоту и глубину любви к Родине, неброской, но прекрасной и неповторимой северной природе, человеку-труженику:

*Мечтательных, открытых, откровенных,
Достойных жизни полной и большой,
Люблю, люблю людей обыкновенных,
За счастье их болею всей душой.*

Сыновья привязанность к России, многострадальной, но единственной, родной, нашла отражение в его стихах. Истоки этой любви — в самом прочувствованном, близком сердцу:

*Россия, моя Родина —
Роднее не найду.
Рябина да смородина
У дома на виду,
Озера ясновзорые,
Полей живая медь
Да песни, за которые
Не жалко умереть!*

Сметанину присущи многогранность души, трезвость и незамутнённость взгляда на мир, то окрашенная болью, но по-мужски сдержанная или с долей иронии, оценка происходящего в общественной жизни, то преклонение перед всеохватывающей силой любви.

Поэт-мыслитель призывает читателя поглядеть «философски на то, чем терзается век»; восхищённый картинами природы, разнообразием её жизни, всё новыми и новыми красками, он находит отдохновение в ней для своей уставшей от гонки души; любовь к женщине наполняет его романтическими ощущениями:

*Люблю тебя. Всегда тобою занят.
Как в полнолуние ночь, боготворю.
Луна уйдет, а мне светлее станет,
Как будто я в лицо твое смотрю.*

*Ты далеко, но птицы на рассвете
Клянутся передать тебе привет.
Твоей улыбке радуются дети
И долго улыбаются вослед.*

Произведения поэта отличает удивительная музыкальность, звуковая образность:

*Словно целое мирозданье
Прорывается в телефон.
Мне названивают названья,
Шелестят голоса имен.*

Книга стихотворений Сергея Сметанина даёт возможность увидеть в нашей сложной действительности, несмотря ни на что, гармонию и красоту; проникнуть в мысли поэта, понять и разделить их или с чем-то поспорить, чем-то восхититься, чему-то обрадоваться, по поводу чего-то улыбнуться; даёт возможность прикоснуться к глубокой, отзывчивой душе автора.

Н.И. Рябкова,
кандидат филологических наук

* * *

— Речка, речка, отчего ты не прозрачна? —
Удивленно реку спрашивал ручей.
И ответила волна, тихонько плача:
— Я давно таких не слышала речей!

Отчего твой взгляд на мир не замутился?
Оттого, что ты берёг его, берёг.
Оттого, что помнишь место, где родился —
А река забыла, где ее исток.

* * *

По краю мартовского наста
Румяный закатился день,
И дышит сумрак безучастно
Меж придорожных деревень.

Темнеют ели, сосны редки;
Стряхнули иней — вышел срок,
Лишь кое-где на крепкой ветке
Последний держится снежок.

Весна

Над Россией струится черемухи дух,
Все плотней белокурые кисти.
Не стесняйтесь веселых друзей и подруг,
Оглянитесь и ветви приблизьте.
В невесомом дожде лепестковой воды
Лишь заботу нечаянно смоешь —
И надежды в глазах остаются следы,
И любви, если ты того стоишь.

Белым цветом весна к нам легонько стучит —
Не беда, что черемуха малость горчит.

Пусть у запаха слишком короткая власть,
Уверяю — с ним льется свобода.
Я весной презираю любую напасть,
Налетевшую с прошлого года.
Я весной вдохновенен и прост, как дитя,
В ожиданье заветного лета,
В сотый раз ее нежную повесть прочтя
По дурманящим веткам букета.

Будто новую жизнь я читаю с листа,
Сам не знаю, откуда ее чистота.

Так, пока в нас огонь новизны не потух,
Окунайтесь в листву и соцветья!
Над Россией струится единственный дух,
Признаваемый в это столетье.
От него во дворах — тишина и покой,
Между нами — согласие и споры.
От него я сегодня беспечный такой —
Не помогут ничьи уговоры.

Скоро явится зной, беспощаден и сух,
Но покуда — струится черемухи дух.

* * *

Вдохновенье приходит вовремя —
Неожиданно, как весна.
Словно штора внезапно сорвана
С занавешенного окна.

Словно целое мирозданье
Прорывается в телефон.
Мне называют названья,
Шелестят голоса имен.

И царапаются колючие,
Представляемые едва,
Незнакомые мне созвучья,
Удивительные слова.

И торопятся, словно зерна,
Прорасти во мне города:
Вдохновенье приходит вовремя.
Неожиданно. Как всегда.

«Солохинские» мосты

Я жизнь прожил счастливую в Сургуте,
Все двадцать восемь полновесных лет,
Не изменив её всегдашней сути
И просто воспевая как поэт.
Посильно помогая где руками,
Где головой в строительстве его —
Приехал я сюда не за деньгами,
А разделить эпохи торжество.
Хотя бывают разными эпохи,
У каждой свой герой и свой резон.
Герой сегодня — Валентин Солохин,
Которым по-мужски я восхищен.
Романтику Сибирь — святое место,
Поруганное, может быть, порой.
Но кто же он такой — начальник треста
Под именем обычным «Мостострой»?
Солохин говорит скромнее многих,
Когда с ним речь газетчики начнут:
— По этой жизни нас ведут дороги,
А без мостов дороги не живут.
Он сам себя не мыслит без работы,
Доступен — выходной-не выходной,
Готов не только «разбирать полеты»,
А пестовать идеи, как родной.
В Сургуте ли — пролета нету шире,
В Ханты-Мансийске — четкий на просвет —
Мосты, каких не так уж много в мире,
А может быть, каких и вовсе нет.
И через обский мост переезжая,
Возможно, дорогая, как и ты,
Я всякий раз невольно замечаю:
Переживаю бездну красоты.
Когда жду встреч на берегу с тобою
И время через Обь гоню: «Спеши!»,
Я восхищен солохинской душою,
Ведь мост, определенно, — часть души!

* * *

А я люблю людей обыкновенных:
Бесхитростных, открытых и простых,
Без грубоватых доблестей военных,
Без пятен на душе «пороховых».

Не оттого ли сам я счастлив ныне,
Что дьявол не добрался до меня:
Жена моя — обычная богиня,
И ангельская у меня родня...

Люблю людей с хорошим настроеньем,
Не только ради принятых ста грамм.
Долой тоску по крепким ощущениям
И тягу к оскорбительным словам!

Я предпочтенье отдаю героям,
Чья доброта привычна, как рассвет, —
Мы с ними непременно мир построим,
Пусть через двести високосных лет.

Мечтательных, открытых, откровенных,
Достойных жизни полной и большой,
Люблю, люблю людей обыкновенных,
За счастье их болею всей душой.

* * *

Войну стихами не остановить —
Я это слишком четко представляю.
Но, рифмою грозя и проклиная,
Того, кто равнодушен, — разбудить,
Того, кто ей доволен, — осудить
И замысла сорвать паучью нить
Способна ты, поэзия родная!

\

* * *

*О, поле, поле, кто тебя
Усеял мертвыми костями!
А.С. Пушкин*

В края, где ночи белые длинны,
Где связи с сердцем Родины так тонки,
Бывало, приходили похоронки,
Но никогда здесь не было войны.

Озера да болота без конца
На скатерти роскошного пространства.
Тут солнце — знак небесного Отца —
Горит, как разрешение на пьянство.

И вот, на полпути в широкий свет,
Ты вышел из автобуса, с тоскою
Воскликнул, и послышался ответ:
— О, Господи! Здесь кладбище какое!

Венок, ограда, памятник, стена...
А сколько здесь лежит свечных огарков!
Так вот она — та красная цена
Богатства и успеха олигархов.

Так вот он — окончательный приют
Бомжей невольных, пьяниц, наркоманов,
А также тех, кто знал, что значит труд,
Но не дожил до песен и романов.

Да что там песни! Пенсии своей
Так многие дожидаться не успели —
Задолго до отцов и матерей
Одежды деревянные надели.

За нефтяной бедлам, за город-ад,
За град-гараж у грязного вокзала,
Как свечи, наши жизни догорят,
А им все мало. Им все мало. Мало.

* * *

Милые мама, сестра и жена,
Где же волшебная наша страна?

Верность и мужество в наших очах
Раньше светились — не жадность и страх.

И дочерей на панель за кордон
Раньше не гнал равнодушный закон.

Вновь нас бесстыдно хотят обобрать.
Сколько ж на это беспечно взирать?

Завтра за весь наш напудренный гной
Снова расплатимся страшной ценой.

Не повернуть ли судьбину лицом?
Не подлеца ли назвать подлецом?

* * *

У входа в магазинчик, на крыльце,
Поджав колени, мирно сел калека.
Без капельки заботы на лице
В себе самом увидеть человека.

Глаза потусторонней синевы,
Да руки — два беспальные обрубка.
Проходят покупатели, — увы! —
Не каждый вынет рубль из полушубка.

Скрывая милосердия порыв,
Я подошел к нему: "Что, братец, тяжело?"
Мелькнула в шапку, тускло просветив,
Монеты серебристая кругляшка.

Но, право, камень с сердца не упал.
И лишь толпа гудела все бессвязней:
Смотрите, нищий нищему подал!
Нет зрелища смешней и несуразней.

Помолчим

Мы загнаны жизнью чертовски,
Но все ж, проповедуя бег,
Давай поглядим философски
На то, чем терзается век.

Давай поглядим без презренья
На это глухое, как стон,
Биенье, слиянье, круженье,
Рожденье и гибель времен.

Давай поглядим виноватей
На так подводившие нас
Рожденье и гибель понятий,
Движенье названий и фраз.

И, раз уж наделано лишку
Ошибок на нашем веку,
Давай-ка дадим передышку
Хотя б своему языку!

Апрель

Сорока на березе. День хрустален.
И воздух неба пьётся, как вино.
Один с утра. Ни весел, ни печален,
Разматываю дум веретено.

Сегодня вновь 20-е апреля.
Большая дата будет через день.
Мели по телевизору, Емеля,
Не от тебя ли мысли набекрень?

С «лапшою на ушах» не от тебя ли
Под окнами валяется мужик?
Какое царство, Господи, проспали!
Канатоходцу в собственность отдали,
Тому, кто по веревочке бежит.

На то и жизнь — похмельями чревата.
Вот только не кончается никак —
О чем Высоцкий пел ещё хрипато,
Что Ельциным завязано когда-то,
Но медлит затянуть мой лучший враг.

Сорока на березе. День хрустален.
И воздух неба пьётся, как вино.
Но если мир един и безначален,
То миг и вечность — всё-таки одно?

* * *

Россия, моя Родина —
Старинные края,
Былинная мелодия,
Да трели соловья.
Церквушки, да скворечники,
Да ветер низовой,
Да вороны-кромешники
Над самой головой.

Россия, моя Родина —
Суровая стезя!
Тобой столько пройдено,
Что выдумать нельзя:
Война, да революция,
Да за войной — война.
Хочу с тобой очнуться я
В другие времена.

Россия, моя Родина —
Роднее не найду.
Рябина да смородина
У дома на виду,
Озера ясновзорые,
Полей живая медь
Да песни, за которые
Не жалко умереть!

Ручей

Свежо и чисто в сумрачном бору.
Подмокший мох еще лежит на гриве.
Слетела шишка с кедра поутру,
Десницей ветра сбита в порыве.

К реке спешит извилистый ручей,
Преодолев непрочную запруду.
Какое счастье знать, что мир — ничей
И с громом бьет небесную посуду.

* * *

На Сайме, среди кедров темноликих,
Дрожат клочки небесной синевы.
Малиновки взволнованные клики
Пронзили бор чуть выше головы.

Трепещет воробьишка за сараем.
Как ни круты сугробы вдалеке —
Проталины привольно дышат маем
Веснушками на девичьей щеке.

Мне вспомнилось на миг родное детство:
Приход весны я празднично встречал,
Степных небес приветствовал соседство
И солнца ход на парте отмечал.

Я не забыл ни сверстников галденье
Перед игрою в прятки да лапту,
Ни девочки, чье имя — Загляденье,
Я не забыл простую красоту.

Я не забыл ни садика с цветами,
Ни писем, что тобою сожжены ...
Лишь два часа полета между нами —
Две жизни, два признанья, две вины.

Не возвратить... А, впрочем, и не надо.
Былого нет... Поблекнут краски дня.
Но снова будет в прятки возле сада
Играть весной другая ребятня.

И снова будут мальчики влюбляться,
О златокудых девочках мечтать,
И в самых лучших чувствах признаваться,
И, как судьбы, случайной встречи ждать.

Я рад тому, что мир материален,
И, уходя, с собой не заберу
Ни темноликих кедров, ни проталин,
Ни птицу, прозвеневшую в бору...

* * *

Зря я завел себе моду
Весь выходной — взаперти.
Выйду взгляну на природу,
Чтобы душой отойти.

Возле застывшей протоки
Высится белый обрыв.
Долгие зимние сроки
Будущий держит разлив.

Скоро отгадет полянка,
Желтого плеса тесьма;
Как надоевшая пьянка,
Тянется наша зима.

Всюду сугробы, сугробы...
До горизонта, взгляни!
Но уже веет без злобы
Ветер в последние дни.

Воздух и чист, и прозрачен,
Солнце глядит веселей...
Вот и предел обозначен
Царству речных хрусталей.

Вечер

В хантыйской притихшей деревне
Столетние кедры не спят.
На празднике обласа¹ древнем
Встречаем июльский закат.

И музыка ширится трубно,
Как будто на славу и суд
Под звуки шаманского бубна
Здесь духов из бездны зовут.

Беседуем, волю вдыхая —
Пытаемся что-то понять
Из песни брусничного края,
Что льется опять и опять.

А песня пророчит уныло,
Что правда бредет наугад,
И все на земле уже было,
Не тысячелетья ль назад?

У речки журчащей, где блики
Летят на веселия зов,
Не те же ли вечности лики
Сквозят из прибрежных кустов?

И ночью над заводью черной
Все та же гудит мошкара.
Ах, как она вьется проворно!
Как рвется на пламя костра!

На празднике обласа древнем
Истаял июльский закат.
И долго в притихшей деревне
Столетние кедры не спят.

1. Облас, обласок — легкая долбленая лодка из цельного куска дерева.

Песня рыбака-ханты

Ночи звездный поясок
Высоко сияет.
Месяц — легкий обласок
В облаках ныряет.

Отражение в реке
Дробится на части —
Это я на обласке
Догоняю счастье.

* * *

Возле берез над полянами белыми
По-берендеевски дышит туман.
Пальцами взять ли его онемелыми?
Переложить ли в дырявый карман?
Сказку припомнить о нежной Снегурочке,
Как безответно страдал о ней Лель,
Березняку над сугробами хмурыми
Не позволяет холодный апрель.

* * *

Хорошо на Урале по осени —
Настоящий березовый рай.
Столько золота с неба разбросано,
Хоть корзиной его собирай!

А в долине — рябинка заветная
С алой гладью по краю листа.
Обняла ее дымка рассветная,
Словно белого шелка фата.

И смущенно лесная красавица
Прижимается кедра к плечу.
Ей бы только со счастьем управиться,
А другого — желать не хочу.

Юрюзань

Горланят петухи по Юрюзани —
Едва не разрываются гортани!

Вокруг меня все горы, горы, горы,
Далеких сосен ровные узоры.

А вдоль реки дома да огороды,
Здоровые картофельные всходы.

Там родники из сердца гор струятся.
Хотят от сосен тучи оторваться,

И с каменной кручи непрерывно
Струится пар волокнами тумана.

Там жители просты, немногословны,
Друг к другу и к приезжему любовны.

Закончив сенокос, поют частушки —
Со стариками слушают старушки.

Дружок, задравши ухо, громко лает,
Он, сумасброд, опять цыплят гоняет.

Там индюки степенно, как павлины,
До улицы гуляют середины,

И за город, беря заборы с бою,
Бредет козел с ужасной бородою.

За ним игривым стадом козы ходят,
А петухи мелодию выводят.

Какая чистота! Какая сила!
Вот, наконец, и утро наступило!

* * *

Всю жизнь живу на первом этаже.
Под окнами — югорские березы,
То иней на ветвях, то — чьи-то слезы,
В гостях у Бога бывшие уже.

Зимой ко мне идут колядовать,
За горсть конфет и мелкую монету

Расславили давно по белу свету:
Здесь «бедствует» поэт — ну что с них взять?

А летом забредет ко мне таджик,
За пару помидоров, полбатона
Расскажет миру, как живет мужик —
Соперник и Хафиза, и Платона.

Мечты мои, как прежде, в кураже,
Ведь я живу на первом этаже.

Сенной двери жилого вагончика

О, как ты стонешь в большую стужу,
Дверь, открываемая наружу!
Привет толкающимся в тебя
И ручку тянущим на себя.

Они желаннее всех желанных
В твоих объятиях деревянных.
Прими и поровну всем отмерь,
Стони сильнее, родная дверь.

Пускай почаще в тебя заходят,
Недолго ждут и вдвойне находят;
О том же, съезжившись от потерь,
И сам пою я, родная дверь.

Я тем себя безраздельно тешу,
Что дверь когда-нибудь перевешу.
Да будет ход твой и тих, и мудр,
Дверь, открываемая вовнутрь.

Да будет ясно в тебя входящим
Друзьям, и добрым, и настоящим,
Что ждут их искренне и давно
И места в доме — полным-полно.

* * *

Мы вечно движемся по кругу:
В кругу семьи, друзей, забот
Ведем извечный хоровод,
Стремясь приблизиться друг к другу.

Как в цирке умных лошадей,
Судьба нас гонит по арене,
Вздымает, ставит на колени,
И вновь вперед: «Скорей! Скорей!»

Но если кто-нибудь, упрямя,
Сорвется в ночь, где звезды светят,
Как скоро, скоро он заметит,
Что мчится по своим следам...

* * *

Все религии мира бессильны равно
Перед тем, что тебе от рожденья дано,

Перед чайкой вдали над морскою волной,
Перед разумом ясным, как солнце весной.

* * *

Никону Сочихину

На пруду нынче к вечеру славно
Разгулялись березы, горя —
Проплывали печально и плавно
Золотые дары сентября.

Детвору привело в восхищенье,
Как по берегу бегал щенок,
Лапой лунное гнал отраженье,
Но достать его так и не смог.

И, внимательно глядя на воду,
Ты молчал, мой талантливый друг:
Нет природному золоту ходу
В шелухе постмодерна вокруг...

Не грусти. Не грусти хоть сегодня!
Роковой не буди ты вины...
Что искать в себе дара господня,
Что ловить отраженье луны!

25 сентября 2003 г.

* * *

Кому — тюрьма, кому — награда.
Ничьей судьбы не оскорблю.
А мне Сибирь такую надо,
Что с детства знаю и люблю.

Чтоб неба не окинуть оком,
Чтоб сердца не сдержать в груди,
Чтобы девчонка ненароком
Мне улыбнулась на пути.

* * *

По мраморной крошке на скомканном снеге,
Роняя тугие лучи,
Проехало за город солнце в телеге
Из золота печь калачи,

Как пьяный мудрец из ночного загула,
Беспечно и ясно смеясь;
И в гости с собою березку тянуло,
За ветку легко зацепясь.

* * *

Две синички под окном
На зеленой ветке —
Распушило ветерком
Жёлтые жилетки.

Не Весна ли то сама
Солнышком пригрета?
Ждать ли скорого письма —
Верная примета?

На березе под окном
Тенькают синички.
— Извините, вы о ком,
Милые сестрички?

Зной

Полдень. Вдоль дороги — плоский дым,
Словно кистью тонко прочертили.
На опушке ровный купол пыли,
Стадо волочитя перед ним.

Ящерка застыла на камнях,
Зацепилась пальцами за грани,
И трава как бы сильнее вянет,
Отражаясь в выпуклых глазах.

Время словно спрятано в стволы
Сосен, что стоят у поворота,
И с необъяснимой неохотой
Вытекает каплями смолы.

Вся природа бредит желтизной,
И в чертах, дрожащих и неполных,
Как гигантский зреющий подсолнух,
Наклонилось небо надо мной.

Август

Ночь — словно пропасть черная.
Ни звезд, ни огонька.
Дрожит, как иллюзорная,
Передо мной река.

То кажется огромною,
То вовсе не видна,
С громадой неба темною
Сливается она.

Безмолвное кипенье
Невидимой воды.
Во всем предощущенье
Грозы или беды.

* * *

Прокатились белые ночи
По просторам сургутских болот.
У затихшей площадки рабочей
Колоннада тумана встает.

И в ответ на мое бескорыстье —
Не беда, что я зритель — один —
Опадает в тайге мелколистье
Золотых и багряных рябин.

А на вымокшем краешке рощи,
Прихотливой и грустной на вид,
Сердце бьется по-зимнему проще,
За прошедшее меньше болит.

Здесь о судьбах ничто не пророчит,
И приметы — знакомые все.
Только дождик тоску мою точит
На своем водяном колесе.

Под ногой прогибаются кочки,
Темно-бурый сочится настой.
А вокруг — розоватые точки —
Звезды влажные клюквы густой.

Предосеннее

Вот август явился, то зелен, то ал,
В урманы загнал холодок,
И крупной картечью рябин расстрелял
Он заросли возле дорог.

И лес озарился по краю трясин,
И радуется очи до слез
Багрово-малиновый трепет осин
И золото русых берез.

Осень

Пятиэтажный дом с балконами,
Скамейка, дерево, подъезд...
Дожди прозрачными колоннами
Поплыли с праздничных небес.

Играет ветер чью-то музыку
Столбам, веревке бельевой,
И павший лист летит и кружится,
Насквозь пронизан синевою.

На край двора слетелись голуби,
Заполонили весь газон,
И в облака возносит голову,
Как телевышка, старый клен.

После дождя

С листвы еще падают редкие капли,
Но дождик закончился. В небе светло.
Березки стоят, будто чуткие цапли,
Готовые стаю поднять на крыло.

Сквозь волны пырея глядит подорожник:
На чудо-рябинке, задорно дразня,
Горит жемчугами расшитый кокошник,
Играя цветами предзимнего дня.

В ветвях затаилась уютная сырость.
И песенка птичья, забредшая в лес,
Как будто по радуге, к нам опустилась
Путиами покинутых, мокрых небес.

* * *

Я не люблю промозглую погоду
Сургутского начала октября.
Все утро дождь набрасывает воду
На дрогнувшие иглы фонаря,
Как серое, тугое одеяло,
Крутыми водостоками трубя.
И скоро ночь, по прошлому скорбя,
Опять раскинет звезды как попало.
Закат осыплет облако малиной,
Дыханье ветра станет поглубей,
И жалкий лист на ветке тополиной
Наохлится, как старый воробей.

Октябрь

Север в облачные спины
Тычет рыжим батоном,
Тонконогие рябины
Вышли к берегу рядком.

Шевеля зубцами сосен,
Зябнет утренняя рань...
Говорят, гнилая осень!
Это — правда, время — дрянь.

Рыбы высохшая связка,
Сети, скрученные в жгут.
Отыгравшая закваска
Тихо льется на Сургут.

Стекленеющие лужи
Под подошвами хрустят.
От речной, унылой стужи
Плачет ветер-листокрад.

Слишком прост и быстротечен
Мир, похожий на игру.
Хорошо, что я не вечен
И когда-нибудь умру.

* * *

Поэту Андрею Тарханову

Вся осень — в пыли и расцвете,
Как будто в последнюю треть
Янтарной горе на рассвете,
Как прежде, гореть и гореть.

Вся осень — в биении листьев.
И не было веры верней,
Чем кедра кораблик ветвистый
На якоре цепких корней.

Вся осень дрожит в позолоте,
Лишь он умудренно-велик.
Один в суете и заботе
О чем ты мечтаешь, старик?

Молчат твои внуки и дети,
И дождь расплыл свою плеть...
— О лете, мой милый, о лете.
О чем еще больше жалеть!

Осенний парк

Туман — как белая рубаха.
Крахмально-розовая тьма
Размыла вставшие из праха
Монументальные дома,

Легла на сосны сенью мглистой,
Обводит изгородь кольцом.
Один березки ствол безлистый
Надежным вырезан резцом.

В его штрихах миллиметровых
Я вижу Дюрера листы...
И сетью веточек лиловых
Провисла крона с высоты.

* * *

Выпал снег с утра на третье,
На мое тысячелетье.
Знать, устал, пока парил,
Словно ангел шестикрыл.

Нежный-нежный, пьяный-пьяный,
Раб судьбы непостоянной
Догадался тихо лечь
На площадку чьих-то плеч.

Он, бродяга, рад стараться
Никогда не просыпаться.
Но растает, погляди,
Только в комнату войди.

* * *

Дочери Юле

Как ясно и просто, поняв небеса,
Живут снегири, воробьи, свиристели.
Сегодня синицы во двор прилетели,
Играли под окнами четверть часа.

Прозрачная роща на поздней заре
Из желтых тонов перешла в голубые.
Зима наконец-то пришла в ноябре,
Березки надели платки кружевные.

Сугроб у крыльца — будто сказочный зверь:
По белому пуху — морозное пламя.
И девочка, выпустив кошку за дверь,
— Куда ты? Простудишься! — машет руками.

Хватает покрепче ее за бока —
Беглянка поводит усами жестоко:
Ей дома сидеть чересчур одиноко,
Хотя и терпимо. Возможно. Пока.

* * *

Зима. В Сургуте в это время
День мимолетен, как мечта.
Я на работу еду в темень,
Обратно — та же темнота.

И там, где трасса распрямилась,
Великолепна и строга,
На придорожные снега
Ночное небо опустилось.

Созвездья фар летят весь вечер,
Обозначая поворот:
Двойные белые — навстречу.
Двойные красные — вперед.

Неповторимость

Зачем природа миллионы тысяч лет
Рисует очи: за ресницею — ресница?
С тех пор, как появилась ты на свет,
Портрету твоему не повториться.

* * *

Я полюбил тебя неожиданно,
Почти не веря в это сам,
Так далека и так желанна
Звезда любви сияла нам.

И в час вечерний первой встречи
Никто смущенья не скрывал:
Утратив дар обычной речи,
Перед тобою я стоял,

И были так призывно зыбки
На грани счастья и мечты
Твоей нечаянной улыбки
Невыразимые черты.

Любовь ли нас преобразила,
Хмельным порывом ворвалась?
Иль неумной жизни сила
Во мне волною вознеслась?

Я чашу неба поднимаю,
И льются звезды через край.
О, Муза! Нежность воспевая,
Заветное мне слово дай!

И стань предтечей новой жизни,
Что правду вечную хранит.
Крепка земля в моей отчизне,
А слово — крепче, чем гранит.

Признание

Люблю тебя. Всегда тобою занят.
Как в полнолуние ночь, боготворю.
Луна уйдет, а мне светлее станет,
Как будто я в лицо твое смотрю.

Ты далеко, но птицы на рассвете
Клянутся передать тебе привет.
Твоей улыбке радуются дети
И долго улыбаются вслед.

И оттого меж нами расстоянье
Для сердца моего — не западня!
Но для чего тебе мое признание,
Когда бы не любила ты меня!

Второе счастье

Меня сразила нежность в одночасье,
Но рядом слышу: "Хватит о любви!
Вот наглость — это, брат, второе счастье.
По этому закону и живи!"

А там... Что поимеешь, то и будет.
Хватай, на что способен аппетит!"
— Конечно, победителей не судят,
Но осуждать никто не запретит.

И пусть иной на наглость уповает.
В толпе себе подобных он — герой.
Второго счастья в жизни не бывает,
Как нет души и совести второй!

* * *

Ночь была тяжела, глубока,
С долгим шумом дождя на восходе.
Не пойму, как живу без звонка —
Голос милый сюда не доходит.

О, с тобой проведенные дни!
Счастья большего в мире не знаю.
— Позвони, позвони, позвони! —
Безнадежно тебя заклинаю.

Как давно твоя нежная речь
Головы не кружила знакомо.
Словно пес, продолжаю стеречь
Тишину опустевшего дома.

Долгожданное чудо звонка?!
Нет. Лишь эхо по комнате бродит.
Ночь была тяжела, глубока,
С долгим шумом дождя на восходе.

* * *

Первая любовь была ошибкой —
Что теперь бывшее ворошить!
Я смотрю на прошлое с улыбкой,
Как ни грустно — продолжаю жить.

А хотел с кудрявой объясниться,
Подарить любовь свою навек,
Целовать и губы, и ресницы
И в обнимку падать в белый снег.

Первая любовь — сестренка чуду,
Все перевернула ты во мне.
Может, я когда-нибудь забуду
Солнце русокосое в окне,

Только б, изливая жар сердечный,
Ты себя другому сберегла.
Все-таки любовь должна быть вечной,
Даже если первой не была.

Размолвка

Счастье влюбленности — недолговечно?
Только что я, расцелован сердечно,
Птицей с утра на работу летел!

Только что мыслями каждой минуты
Рвал закоснелые сети и путы,
Перед лицом твоим благоговел.

Что за стена между нами восстала?
Крылья свои опускаю устало —
Ангел земной оказался жесток.

Ссора великая грянуть грозитя,
Все тебя сердит: и небо, и птица —
И ко всему ты находишь упрек.

Ожидание

Я хочу рассказать о многом,
Да прольется на это свет —
В телефонном звонке убогом
Единения больше нет.

Ясно вижу одно и то же:
Между нами всего шажок.
Отраженье свечи на коже,
Нежный персиковый пушок.

Обнимаю тебя несмело —
Мелодичное волшебство...
Если б, милая, ты хотела
Счастья капельку моего!

И когда бы в малейшей мере
Ты коснуться того могла,
Легче вихря влетая в двери,
Ни секунды бы не ждала.

Никуда бы не уезжала,
Никуда больше, никуда.
Никогда бы не уезжала,
Никогда больше, никогда.

Костер

От губ возлюбленной вдали
Ни звезд, ни свеч не замечаю,
И так мучительно скучаю,
Как будто сердце мне прожгли.

На ледяном краю Земли
Костёр из песен зажигаю.
В объятиях седой пыли
Дождусь ли отзыва — не знаю.

Но счастье, милая, в таком
И заключается горенье,
В расплате сердцем и огнём
За приближение мгновенья

Желанной встречи в час любой
С тобой, любимая, с тобой!

\

* * *

Самый лучший цветок отберу наудачу.
Пусть он в вазе стеклянной, как солнце, стоит.
Я губами надежду на нем обозначу —
Аромат его нежный тебя повторит.

Наша скорая встреча еще предстоит.
На вокзале горящего взора не прячу.
Раздвигая толпу (кто любил, тот простит),
Я к вагону спешу, я кричу и чудачу.

Чтобы встреча так встреча! Любовь так любовь,
Чтобы в жилах гудела бессонная кровь!
Чтобы звезды сияли погодою ясной!
Чтобы роза казалась настолько прекрасной...

И над миром луна замерла, не дыша:
— Роза в каплях росы — как она хороша!

* * *

У меня не жена, а Весна-Красна:
Взор лукавый, румяные щеки.
Тает снег, тает лед, где проходит она —
Приближаются летние сроки.

Из-под ножки ее в синь синички летят,
Из перчатки порхают голубки.
Тонкоклювые пеночки строятся в ряд
Песне в лад, что поют ее губки.

Свидание

Осень, как судьба неотразимая,
Русь мою завесила дождем.
Подари мне день с тобой, любимая,
Для меня он станет лучшим днём.

Раскричались — мы на них любимся —
Ласточки в чумазах облаках.
Мы с тобою все не нацелуемся,
Все не нагуляемся никак.

Ветер завывает, как обиженный,
Вырывая зонтики из рук.
А потом он кается, пристыженный,
За невольно вызванный испуг.

Грузные, кружком, намокли здания,
Обсуждать погоду им не лень.
А у нас последнее свидание
Перед тем, как будет новый день.

Ничего, что дождь не прекращается,
Ничего, что слезы — по щекам.
Осень стать любовью обещается,
Тихо поднимаясь к облакам.

* * *

В октябре на улице Островского
Возле дома — желтая трава.
Под лучами солнышка покровского
На широком небе — синева.

Там летит под облачные полосы
Городской рабочий говорок,
А вдали дождя густые волосы
Раздувает свежий ветерок.

Там береза ярко-золотистая,
Цвинькает синица на стволе.
И в груди моей настала чистая,
Лучшая погода на земле.

Снегопад

С утра мело широкими кругами,
А на рассвете падал наугад,
Пространство размечая между нами,
Душа зимы российской — снегопад.

И город перед нашими глазами
Раскинул феерический наряд
С верандами, качелями, шатрами...
И сказке вслед прохожие глядят.

Прошел с лопатой грузный Дед Мороз.
Корявый лист от клена прокатился,
Продрогший и волнующий до слез.

Густеет снег. Плотнее повалился
На рыхлые громады тополей
С каркасами старинных кораблей.

Невозмутимый, вечный снегопад.
Валит, валит растущими кругами!
Под нашими неспешными шагами
Тропою комья белые скрипят.

24 декабря 1998 г.

* * *

Я уйду легко и нехотя,
Как предписано врачом.
Будет все прекрасней некуда,
Будет слава бить ключом.

Позади — былое, скверное,
Позади XX-й век.
А душа моя, наверное,
Превратится в белый снег.

Выйди, смех мой, речи смелые
Вспомни, голову склоня.
А вокруг — лишь хлопья белые...
Как и не было меня.

А душа моя свободная,
Обретая новый вес,
Бесконечная, природная,
Тихо падает с небес

На дороги, на обочины —
В стольном граде и в глуши...
Настроение рабочее
У моей большой души!

**Красив не для всех
(На получение снимка из городского фотоателье)**

Был по жизни поэт полноправный —
Оказался — бухгалтер. Ну, что ж!
Не для всех я красивый и славный,
И на гения чем-то похож.

Оба глаза — ничуть не наивен —
Как двуствольное вскинул ружье.
Объектив, как всегда, объективен.
Субъективно — любое вранье.

И пускай до романтики — пропасть,
Я не думаю, как теперь быть.
Прилеплю это фото на пропуск.
Буду с ним на работу ходить.

Размышление перед зеркалом

7. *Доброе имя лучше дорогой масти,
и день смерти — дня рождения.*
(Книга Экклезиаста, или Проповедника)

В окне — метель, в душе — сомнения,
Но верю, мысли нет мудрей:
День смерти лучше дня рождения,
А имя доброе — кудрей.

То перед зеркалом с расческою
Я вспоминаю в поздний час
С улыбкой чисто философскою,
Как завещал Экклезиаст.

Любимые глаза (романс)

Радуюсь я или плачу,
Ждет ли меня благодать?
Жить мне, тебя обнимая,
Или, как прежде, страдать?

Перед тобой, дорогая,
Любви не могу я скрывать.
Звезды на небе погаснут —
Глаза твои будут сиять.

Утро златое встречая,
Снова к тебе я спешу.
Как я тебя обожаю!
Только тобою дышу.

Перед тобой, дорогая,
Любви не могу я скрывать.
Звезды на небе погаснут —
Глаза твои будут сиять.

* * *

Сыну Максиму

Сын мой милый, ради Бога,
Поскорее вырастай.
Мудрым будь — читай не много,
Но с пониманием читай,

Будь судьёю справедливым,
За богатство не держись —
И к тебе лицом счастливым
Повернется эта жизнь.

Поэт 007

Поэт — разведчику в наш век не уступает.
Его раскрыть отнюдь не просто и назвать.
За десять лет он еле-еле успевает
Себе читателя два-три «завербовать».

Уж злые критики не бьют его нещадно,
Редактор-каверзник очистил все пути.
Но пал трибун. И, вроде, что ему не ладно?
Мечтай, пописывай да творчески расти!

Увы глашатаю — эпоха ускакала.
В борьбе с неволею упущен был момент.
И криптограммой для всех поэма стала —
Теперь поэзии он тайный резидент.

День науки

— Правительство — от скуки на все руки —
В России объявило день науки.

Патриотичной мыслию развесясь,
Я посвятил бы ей не день, а месяц.

А дальше — перспективы-то какие,
Коль год науки грянет по России!

— Послушай-ка, не хватит ли, Сметанин,
Научно-фантастических мечтаний?

В ответ на письмо от Чубайса

Дорогая жена, не пугайся.
Не повестку, не счет за дебош —
Получил я письмо от Чубайса,
Вот кто нынче в дела мои вхож!

В нашей кухне, где мерзнет и кошка
(Ведь мороз по-сибирски жесток),
Из конверта с прозрачным окошком
Я достал «драгоценный» листок.

Он мне пишет о том, что реформы
Ради нас осторожно ведут.
Тормозятся предельные нормы
И тарифы так вяло растут.

Мол, к обвалу пока не готовьтесь,
Но, хотя и прогнозец неплох,
На его факсимильную подпись
Я таращусь, как мышь на горох.

Не пойму, для чего это главный
«Электрический гений» страны
Со своею командой державной
Ухватили меня за штаны.

То ли прежние мысли мешают?
А, понятно — декабрь на дворе!
Скоро выборы! Вот и внушают
Представленья о новом «царе».

* * *

Не далеко, не высоко
Собираться мне пора.
На привычной книжной полке
Разыщу журнал "Югра".

Мне тираж его напомнит
О Мишунине всегда.
О трудяге-Киселеве —
Текста кислая вода.

До истории охочий,
Выплывает на момент
Милый друг "Югры" Надточий —
Основной корреспондент.

И припомню я сквозь слезы
Развеселые деньки:
Березницкого березы
Да Корченкина пеньки.

Ярмарка

Хорошо в тумане леса
Жизнь угрюмую латать.
Есть прогресс ли, нет прогресса —
О гармонии мечтать.

На лужайку выйти летом
В День торговли, например,
И глядеть анахоретом
На движенье вышних сфер.

Поглазеть, пока не поздно,
На запястья, на весы,
На луну из сыра, звёзды
Из немецкой колбасы,

На шампанского кипенье
В карамельном хрустале —
На волшебное виденье
Райской доли на земле.

Хорошо потом, наверно,
Дураку сказать: «Прости!»
И к раскрашенной, фанерной,
Эх, эстраде подойти.

И поёрничать немножко,
Вдруг припомнив о былом:
— Здравствуй, милая гармошка!
Низко бью тебе челом.

* * *

Редких звезд колодезные глубины
Небосвод над нами накренил.
Я мечтал, что милая полюбит,
А немилый буду сам не мил.

И пришло с пророческою силой:
Полюбила милая — дай, бог! —
Но, представьте, стала вдруг немилый —
Вот чего предвидеть я не мог.

И звезду небесного разлива
Клял я, поворачивая прочь.
До чего ж ты противоречива,
Чувства освящающая, ночь!

Перс и халдей (притча)

1

Порою кажется нелепым и смешным
Все то высокое, что мы в себе храним.

Грешно завидовать, но бесы вводят в грех,
И колет глаз тебе любой чужой успех.

2

Однажды персу позавидовал халдей —
Перс нюхал персики у хижины своей:

— О как прекрасны драгоценные плоды,
Что посылает небо в летние сады!

Халдей как в тень попал: он сразу почернел,
Забыв о всем своем богатстве, что имел.

Забыв о том, что перс, и хижина, и сад
Давно по векселю ему принадлежат.

Он приказал своим наемникам спешить
И жирной нефтью ненавистный сад залить.

Увы! Завяли ароматные плоды.
Вокруг — лишь горя вредоносные следы.

Но кто в убытке оказался как не сам?
Давно дивится мир халдейским чудесам.

И ты, узрев, что у красавицы другой
Есть что-то лучшее в сравнении с тобой,

Чтоб дух убийственный сердечка не настиг,
Не вздумай зависти предаться ни на миг.

Не развивай в себе презренные черты.
Достойна зависти, конечно, только ты.

Воробьи

Они суют свой носик малый
В чужой чулан и задний двор:
Ни хлеба нашего, ни сала
От них не скроешь на запор.

Клюют горох, остатки проса
И бойко смотрятся в окно;
Но дальше собственного носа,
Увы, им видеть не дано.

Дивлюсь их помыслам невинным.
А как удачен их закон!
Ведь по законам воробьиным
Уж лет пятнадцать мы живем.

Порхаем стайей несогласной
Над ширью пашен и полей,
И правит нами самовластный,
Чирикающий понаглей.

Флейтист и рыбы (басня)

На флейте музыкант у озера играл
И рыбам говорил: "Пожалуйста, спляшите!
Я милой показать ваш танец обещал.
Под музыку мою хоть хвостиком махните!"
Из кожи лез, просил танцоров наш флейтист.
Но рыбам просьба та смешною показалась,
И ни одна из них плеснуть не попыталась —
Наоборот, ушли как можно глубже вниз.

А рядом рыбаки закидывали сеть
И на песчаный берег так дружно потянули,
Что благородных рыб достать не преминули.
Как начали они хвостами тут вертеть!
Как начали прыжки, флейтиста умоляя:
"Спаси нас, дорогой, брось в озеро скорей!"
Но он ушел, мольбам цены не придавая,
С любимой обнявшись, и с флейтою своей.

Волк и Медведь (басня)

Угрюмой осенью Медведя встретил Волк.
Огромной пастью щёлк да щёлк —
Зол на весь свет: уж три недели без мясного.

— Здорово, Мишенька! — Здорово!
Ну, как живёшь? — Эх, Миша, это ль жизнь? —
Беда, куда ни повернись,
Ужасным голодом грозит со всех сторон.
Ну, хоть бы приняли закон
Волков заслуженных на пенсию отправить.
Я стар и слаб, к чему лукавить.
Уж для охоты не осталось зубов:
Не то чтобы овцу, ягненка —
Не задавить мне и цыпленка.
Признаться стыдно, а ... не брезгаю грибов!
И, будь то в воле нашей,
Докоротал бы век за манной кашей.
Так шамкал старый, поседелый в горе тать.
— Браток! — изрек Медведь. — Ты должен понимать:
У власти нашей без тебя забот немало —
Террор, бушуя где попало,
Реформы дельной заморочить не дает.
Какая пенсия! Спасибо — цел живот!
Но ты не унывай. Тоска вредит здоровью.
Не злись на мир.
Вот я вокруг смотрю с любовью
И скромно на зиму накапливаю жир.
На этом слове разошлись мои друзья:
Волк потрусил на тщетную охоту,
Медведь — к себе: его ждала семья
Вокруг заветной бочки мёду.
Там он рассказывал жене и медвежатам,
Как ловко он ещё бочонок спрятал.

Мораль сей басни вряд ли устареет:
Кто сыт — голодного не разумеет.

Содержание

1. "Речка, речка, отчего ты не прозрачна?.. "
2. "По краю мартовского наста..."
3. Весна
4. "Вдохновенье приходит вовремя..."
5. "Солохинские" мосты
6. "А я люблю людей обыкновенных..."
7. "Войну стихами не остановить..."
8. "В края, где ночи белые длинны..."
9. "Милые мама, сестра и жена..."
10. "У входа в магазинчик, на крыльце..."
11. Помолчим
12. Апрель

13. "Россия, моя Родина..."
14. Ручей
15. "На Сайме, среди кедров темноликих..."
16. "Зря я завел себе моду..."
17. Вечер
18. Песня рыбака-ханты
19. "Возле берез над полянами белыми..."
20. "Хорошо на Урале по осени..."
21. Юрюзань
22. "Всю жизнь живу на первом этаже..."
23. Сенной двери жилого вагончика
24. «Мы вечно движемся по кругу ...»
25. "Все религии мира бессильны равно..."
26. "На пруду нынче к вечеру славно..."
27. "Кому — тюрьма, кому — награда..."
28. "По мраморной крошке на скомканном снеге..."
29. "Две синички под окном..."
30. Зной
31. Август
32. "Прокатились белые ночи..."
33. Предосеннее
34. Осень
35. После дождя
36. "Я не люблю промозглую погоду..."
37. Октябрь
38. "Вся осень — в пыли и расцвете..."
39. Осенний парк
40. "Выпал снег с утра на третье..."
41. "Как ясно и просто, поняв небеса..."
42. "Зима. В Сургуте в это время..."
43. Неповторимость
44. "Я полюбил тебя неожиданно..."
45. Признание
46. Второе счастье
47. "Ночь была тяжела, глубока..."
48. "Первая любовь была ошибкой..."
49. Размолвка
50. Ожидание
51. Костер
52. "Самый лучший цветок отберу наудачу..."
53. "У меня не жена, а Весна-Красна..."
54. Свидание
55. "В октябре на улице Островского..."
56. Снегопад
57. "Я уйду легко и нехотя..."
58. Красив не для всех
59. Размышление перед зеркалом
60. Любимые глаза (романс)
61. "Сын мой милый, ради бога..."
62. Поэт 007
63. День науки
64. В ответ на письмо от Чубайса

65. "Не далеко, не высоко..."
66. Ярмарка
67. "Редких звезд колодезные глубины..."
68. Перс и халдей (притча)
69. Воробьи
70. Флейтист и рыбы (басня)
71. Волк и медведь (басня)